

ЭТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭПИСТЕМОЛОГИИ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ: ПРИМЕР ГЕНЕТИЧЕСКИХ РИСКОВ*

Шевченко Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: simurg87@list.ru

Неопределенность невозможно охарактеризовать без учета как свойств проблемной ситуации, так и знаний о ней действующего агента. Соответствие знаний и ситуации принятия решения – служит ключом к пониманию онто-эпистемологического характера неопределенности. Вместе с тем, такое соответствие находится в центре внимания эпистемологии добродетелей, особенно ее «неклассической», регулятивной ветви, связанной с именами Р. Робертса и В.Д. Вуда. В настоящей статье в качестве примера такой проблемной ситуации выбрана медико-генетическая консультация, в рамках которой врач и пациент имеют дело с неопределенностью генетических рисков. Проблемы коммуникации и совместного принятия решений в условиях медико-генетической консультации в достаточно полно рассмотрены в биоэтическом дискурсе. Вместе с тем ее социальное измерение ограничивается непосредственным взаимодействием двух индивидуальных агентов, что позволяет этому типу ситуаций выступить моделью для формулировки регулятивов этики неопределенности. В ходе рассмотрения коллизий генетического консультирования обозначены четыре формы неопределенности рассматриваемые как существенные аспекты проблемных ситуаций: дескриптивная, нормативная и радикальная неопределенности и неопределенность перевода. Используя подходы эпистемологии добродетелей, каждой из четырех выделенных форм неопределенности поставлен в соответствие регулятивный принцип, характеризующий знания, помогающие справиться с данной формой неопределенности. Эти регулятивы предполагают, что, формируя или распространяя знание в условиях неопределенности, необходимо принимать во внимание неполноту представленной модели реальности, причем неполноту в четырех смыслах. Моделируемый фрагмент реальности может измениться предвиденным (дескриптивная неопределенность) или непредвиденным (радикальная неопределенность) образом. Цели и ценности пользователя этой модели могут не поддаваться иерархическому упорядочиванию, а также могут меняться в будущем (нормативная неопределенность). Толкования модели пользователем могут быть разнообразными, и никогда не могут быть строго определены намерениями автора модели (неопределенность перевода, или неясность того, достигнут ли успех ко-референции).

Ключевые слова: эпистемология добродетелей, неопределенность, неконсистентность, индексикальность, генетически риски.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18–78–10132).

ETHICS OF UNCERTAINTY AS AN EXTENSION OF VIRTUE EPISTEMOLOGY: THE CASE OF GENETIC RISKS

Sergei Yu. Shevchenko – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: simurg87@list.ru

Uncertainty can't be understood without taking into account both properties of the problem situation and agent's knowledge about it. The correspondence of knowledge and situation of decision-making is crucial for understanding the onto-epistemological nature of uncertainty. At the same time, this correspondence is the key topic in virtue epistemology, especially in its 'non-classical', regulatory, branch, related to works of R. Roberts and W.J. Wood.

In this article, genetic consultation is chosen as an example of such a problematic situation since a doctor and a patient explicitly deal with the uncertainty of genetic risks. The problems of communication and joint decision-making in the context of medical-genetic consultation are comprehensively described in bioethics. At the same time, its social dimension is limited to the direct interaction of two individual agents, that allows us to use it as a model for constructing the ethics of uncertainty. In this article, four forms of uncertainty are identified: descriptive, normative and radical uncertainties, and translation uncertainty. Referring to the approaches of virtue epistemology, the author brings each of these forms into conformity with the proposed regulatory principle. The regulations assume that generating or disseminating knowledge under conditions of uncertainty require taking into account the incompleteness of the presented model of reality in its four aspects. A modelled fragment of reality could change in a predictable (descriptive uncertainty) or unexpected (radical uncertainty) way. The goals and values of a model's user can not be hierarchically ordered, and may also change in the future (normative uncertainty). User's interpretations of the model may be diverse, and can never be strictly defined by the intentions of the model's author (indeterminacy of translation, or uncertainty whether success of co-reference is achieved).

Keywords: virtue epistemology, uncertainty, inconsistency, indexicality, genetic risks

Эпоха VUCA

Публичные высказывания о большинстве сфер человеческой деятельности сложно представить без периодических апелляций к неопределенности. Главные особенности современного мира часто маркируются акронимом VUCA (volatility, uncertainty, complexity, ambiguity – нестабильность, неопределенность, сложность, неоднозначность), особенно полюбившегося экспертам в сфере стратегического управления. VUCA видится фундаментальным свойством экономической, социальной и технологической реальностей, в которых

участившаяся фиксация кризисных явлений связана с «черными лебедями» – неожиданными и внезапно возникающими факторами, нарушающими стабильное функционирование сообществ, рынков, предприятий, технических систем [Брызгалина, 2019].

С другой стороны, именно распространенность риторики неопределенности и непредсказуемости, служит тем топливом, которое успешно используется маркетинговыми стратегиями, запрещающими пробовать новые продукты. «Не переходите на другую электронную платформу, иначе вы рискуете потерять все свои данные», – через такой посыл может быть раскрыта суть этих стратегий, обозначаемых другим акронимом FUD (fear, uncertainty, and doubt – страх, неопределенность и сомнение) [Pfaffenberger, 2000]. «Общество риска» становится «обществом неопределенности», в котором не ясны источники угроз, их вероятности, варианты реализации и последствия – понятной остается лишь собственная уязвимость и нестабильность текущего положения дел.

Воспринимаем ли мы неопределенность в первую очередь как характеристику реальности или как деталь риторических аппаратов – неопределенность остается важным социальным феноменом, предметом коммуникации и характеристикой той среды, в которой происходит коммуникация. В этой связи формулируются философские подходы к тому, как возможно «справляться» с неопределенностью, не рассчитывая на то, что ее удастся полностью элиминировать. Одной из важных дисциплинарных сфер, в которой не прекращается разработка вариантов этики неопределенности, является биомедицина, и в первую очередь, геномная медицина. С самых ранних этапов внедрения генетических технологий в здравоохранение стало очевидным, что в центре коммуникативного поля возникающей группы медицинских практик находится неопределенность, понимаемая как главная характеристика наследственных рисков [van Zuuren, van Schie, van Baaren, 1997].

В рамках настоящей статьи предпринимаются попытки философской концептуализации неопределенности в биомедицине, а также разработки регулятивов познавательной и коммуникативной деятельности в условиях неопределенности. Использование генетической консультации в качестве примера ситуации, в которой неопределенность служит предметом и контекстом коммуникации, может обуславливать не только практический, но и концептуальный интерес по двум причинам. Во-первых, социальное исследование консультаций уже развито в условиях достаточно разработанного, унифицированного языка биоэтики, основные понятия которого постоянно продолжают служить предметом философской рефлексии. Во-вторых, локальный, наблюдаемый характер коммуникативного развертывания феномена неопределенности в рамках консультаций делает эти попытки удобным для анализа примером. В мире, где каждый

окружен интенсивными информационными потоками и технологическими системами, принципы работы которых не ясны для большинства их пользователей, этика неопределенности в геномной медицине может служить простой моделью. Познавательная роль этой модели может быть во многом схожей с эпистемологическими метафорами Робинзона или Маугли в XVII–XIX вв. Книги, инструменты и дневник Робинзона демонстрировали социальную природу знания, обладание которым помогает выжить на необитаемом острове [Касавин, 2013]. Также и ситуация врача-генетика и пациента, столкнувшихся с сложностью и неоднозначностью, позволяют поставить вопросы: как возможна передача знания о неопределенности? Какое понимание знания можно считать адекватным ситуации неопределенности? Каким регулятивам можно следовать, формируя и распространяя это знание?

Рассмотрению этих вопросов на примере этики неопределенности в геномной медицине и посвящена настоящая статья. Сначала неопределенность будет рассмотрена как онто-эпистемологический феномен, что предполагает необходимость характеризовать неопределенность и через свойства проблемной ситуации, и через знания действующего агента об этой ситуации. После этого будут намечены четыре формы неопределенности. Эта не претендующая на завершенность типология строится на различиях в способе понимания неопределенности кластеризации практик, позволяющих справляться с ней. Затем, с учетом обозначенного онто-эпистемологического характера неопределенности, будет показано, что этика принятия решений в ее контексте может быть сформулирована как продолжение эпистемологии добродетелей, подчеркивающей индексальность свойства «быть знающим». В заключении будут обобщены выводы, сделанные в каждом разделе, а также рассмотрена еще одна (прагматистская) формулировка оснований этики неопределенности.

Онто-эпистемологический характер неопределенности

Картировать неизвестное, внести различия в сферу неопределенности, как правило, означает высказать предположение о том, в каких формах это неизвестное может явиться действующему или принимающему решение человеку. В этой связи можно говорить о неопределенности вообще, можно выстраивать типологию, релевантную для конкретной области, но можно также, отталкиваясь от описания конкретной практической области попытаться предло-

жить классификацию, претендующую на более широкую сферу применимости.

Кажется, что именно к последнему, третьему, виду могут принадлежать типологии неопределенности, разработанные в рамках социальных исследований науки и технологии (STS). Интересный пример такой типологии предложен в работе, касающейся неопределенности в сфере диагностики расстройств аутистического спектра [Hollin, 2017]. В характерном для STS ключе базовая линия различения проходит между эпистемологическим и онтологическим. Эпистемологическая неопределенность связана с различиями в техниках оценки состояния и проблемам отсутствия когерентности между полученными благодаря ним результатам. Онтологическая – с сомнением в самих классификациях форм и степеней тяжести расстройства. Из их пересечения автор выводит наиболее интересную форму неопределенности – не(до)определенность (indeterminacy) самого феномена аутизма для врача, пациента и его родственников. Такого рода феномен будет раскрыт нами в разделе о неопределенности перевода.

Ниже будет предпринята попытка выстроить типологию неопределенности в зависимости от социальных действий агентов, направленных на то, чтобы справиться с самой неопределенностью. В связи с этим неопределенность будет пониматься как обретающая смысл в конкретном контексте характеристика знаний агента, планирующего свои действия в данном контексте. То есть неопределенность не может быть приписана ни самому по себе положению дел, ни самим по себе знаниям действующего агента. Для достаточно полной ее характеристики необходимо учитывать и свойства проблемной ситуации, и способ ее понимания действующим агентом, а кроме того, характер социальных действия агента. Таким образом, неопределенность предлагается понимать за пределами типичного для STS различения онтологического и эпистемологического. Кроме того, классификация ориентирована на ее раскрытие через субъект-субъект-объектные отношения [Герасимова, 2019], в которые включены определенное положение дел, знания агента и его действия, направленные на другого агента. Все три стороны присутствуют в рамках медико-генетического консультирования, и в отличие от неопределенностей глобального масштаба, могут быть легко идентифицированы. Врач, пациент (консультируемый), его генетические особенности и прогноз состояния здоровья составляют в данном случае субъект-субъект-объектную триаду, все стороны которой так или иначе вовлечены в возникновение и решение проблем, связанных с неопределенностью.

Дескриптивная, нормативная и радикальная неопределенности

Проблемные ситуации, связанные с неопределенностью, также не поддаются простой кластеризации. Охарактеризовав некоторое положение дел как неопределенное, мы сталкиваемся с различиями в понимании этой характеристики. Сами границы феномена, который стоит принимать во внимание как источник неопределенности, также остаются неясными. Не могут быть универсализованы и этические регулятивы действия в условиях неопределенности, нормативно задана механика принятия решения. Итак, можно выделить, как минимум четыре формы неопределенности, характеризующей субъект-субъект-объектные отношения. Во-первых, восприятие самой ситуации как неопределенной, такой, в которой действующему субъекту не хватает знаний для принятия решения. Во-вторых, неопределенность в отношении критериев оценки такого решения. В-третьих, существует неопределенность в понимании границ сферы неопределенного. И в-четвертых, смысл высказывания о неопределенности также часто бывает недоопределен контекстом и языковыми компетенциями участников коммуникации. Эти четыре формы неопределенности, как правило, сосуществуют в рамках одной проблемной ситуации, но требуют разных концептуальных ресурсов для их понимания, поэтому и могут быть описаны по-отдельности.

Весь описанный комплекс проблем возникает даже при столкновении с наиболее очевидной формой неопределенности в биомедицине, связанной с тем, что действующий агент не владеет всей совокупностью знаний, необходимых для принятия решения. Такая ситуация частичной неизвестности типична для здравоохранения. Именно эта типичность позволяет эффективно критиковать консеквенциалистские варианты врачебной этики: в момент совершения действия вся совокупность его результатов неизвестна, поэтому необходимо следовать жестким предписаниям клинических рекомендаций и врачебного долга. Собственно, деонтология как этика долга долгое время была единственным вариантом и единственным наименованием врачебной этики в СССР и России. Так, врач скорой помощи обязан осуществлять реанимационные мероприятия как минимум в течение получаса, даже если не видит результата своих действий и обосновано полагает, что надежды на успех не остается. В этих условиях он просто подчиняется простому долженствованию, однако смысл такого долженствования в условиях неопределенности может быть не всегда ясным. Яркий пример такой неясности впервые предложен британским философом Фрэнком Джексоном [Jackson, 1991, цит. по Шевченко, Шестаков, 2019]:

Гуляя по лесу Ханна, врач, видит человека, укушенного змеей. С собой у нее есть три препарата А, В и С, среди которых она должна выбрать, какой применить, чтобы спасти жизнь укушенному. Ханна не специалист в токсикологии, но она знает, что С поможет пострадавшему, и при этом вызовет стойкую, но умеренную гиперчувствительность к солнечным лучам. А или В могут спасти укушенного без побочных эффектов, но Ханна не помнит, какой именно препарат окажет такое действие. В то же время, она знает, что один из этих препаратов (А или В) способен убить пострадавшего. Боясь такого исхода, Ханна заключает: «Я должна применить С» и делает это. Однако на следующий день профессор, обучавший Ханну, услышав эту историю заключает: «Ты должна была применить В. Он бы спас пострадавшего без побочных эффектов. Теперь этот человек не сможет выйти на улицу без защитного крема».

Вопрос, которым задается Фрэнк Джексон, рассматривая этот мысленный эксперимент, имеет ли выражение «быть должным» разные значения в устах Ханны и в устах профессора. Неопределенность в этом ключе мыслится как характеристика знаний действующего агента, но эта характеристика обретает смысл только в конкретной ситуации. Если бы Ханна захватила с собой справочник по токсикологии, ее врачебный долг в данной ситуации изменился бы. Долженствование, рассматриваемое вне контекста, оказывается ничего не обозначающим свойством, его значение определяется исходя из конкретных обстоятельств. Значения свойств «быть должным» и «быть знающим» обладают чертами сходства благодаря их индексикальному характеру. В одной из традиций эпистемологии добродетели индексикальная природа знания выводится из контекстуального характера объяснения того, почему некто имел основания считать некоторое суждения обоснованным [Gresco, 2008]. Точно так же и в случае долженствования объяснение Ханны, почему она сочла своим долгом применить средство С, обладает контекстуальным характером.

Неопределенность в приведенном выше примере может быть раскрыта через нехватку знания. Причем, в описанном случае Ханна как действующий агент осознает эту нехватку, она находится в положении, которое можно описать как «ученое незнание». Неопределенность может быть полностью снята благодаря знанию фактов о внешнем мире, которыми владеет профессор. В этой связи философ из Йэльского университета Джеймс Питтард и его коллега Алекс Ворснип характеризуют этот вид неопределенности как дескриптивную [Pittard and Worsnip, 2017]. Дескрипция свойств веществ А, В и С способна решить все проблемы с долженствованием в описываемой ситуации. Но, по Питтарду, возможны ситуации, в которых такие дескрипции не помогут избежать неопределенности, поскольку она имеет подлинно нормативный характер, т.е. касается критериев

выбора правильного решения. Например, агент не способен решить, на какой вид благотворительности пожертвовать отложенную для этих целей сумму. Deskриптивная неопределенность не обрекает действующего агента на самопротиворечие – описание мира, которая принимает во внимание Ханна, можно признать консистентным. Нормативная же – подразумевает, что коллективный или индивидуальный агент противоречит сам себе. Он может считать один из вариантов благотворительности лучшим с точки зрения числа людей, которым может помочь, другой – лучшим, исходя из тяжести положения тех, кому он помогает. Но выбрать, какой из критериев важнее он не способен.

Во многом такая самопротиворечивость напоминает парадокс Эрроу, согласно которому коллективные процедуры ординалистской оценки трех и более альтернатив могут не иметь непротиворечивого результата. В общем же случае нормативной неопределенности неважно, имеем ли мы дело с коллективным или индивидуальным агентом. Ординалистский способ оценивания (А лучше, чем В, которое лучше С) в общем случае может привести к потере транзитивности – А лучше, чем В, которое лучше С по критерию Z, но С лучше, чем А по критерию Y. Формирование таких ординалистских циклов возможно, даже если мы установим иерархию между факторами Z и Y – при условии, если агент признает ограниченность своего знания и примет во внимание deskриптивную неопределенность¹. Можно не обладать достаточным знаниями, подтверждающими, что В лучше С по критерию Z, тогда от неопределенности невозможно будет избавиться в один шаг.

Биоэтические статьи о генетическом консультировании полны примеров такого рода нормативной неопределенности, помноженной на deskриптивную. Консультант, обнаруживает у пациентки мутантную версию гена, связанного с повышенным риском рака молочной железы. Он знает, что у пациентки есть сестра, и предлагает предупредить ее – так как у нее может обнаружиться такая же «опасная» генетическая вариация. Но сестры давно не общаются, и пациентка отказывается. Перед врачом, консультантом, встает нормативная проблема: что важнее, соблюдение врачебной тайны, или возможность в перспективе спасти жизнь. При этом реальная патология может не развиваться ни у пациентки, ни у ее сестры. На законодательном уровне в разных европейских странах эта нормативная проблема, с которой сталкиваются врачи-генетики, решается по-разному. То есть общность ценностных подходов не гарантирует тождества в разрешении моральных дилемм биоэтики.

¹ Примеры таких циклов рассмотрены в работе Херлица [Herlitz, 2020]. Там же приводятся примеры возможного разрешения таких циклических оценок через нахождение не наиболее «максимизирующей», но самой приемлемой опции.

Впрочем, генетик-консультант может не знать и то, как рассматриваемая им генетическая вариация скажется на состоянии других частей организма пациентки, не знает он, и того, как другие гены и условия среды повлияют на вероятность развития наследственной патологии. В этом случае уместно говорить о радикальной неопределенности. Редакторы посвященного ей специального номера журнала «Erkenntnis» предлагают несколько ее определений – например, через нехватку возможностей языка для формулировки вопросов к миру [Romeijn and Roy, 2014]. Достаточно полно суть радикальной неопределенности выражает и метафора «черного лебедя» – выражающая то, что наступившее рисковое событие не вписывается в разработанные ранее категории риска. Онто-эпистемологический характер этой формы неопределенности связан с тем, что принимая ее во внимание, агент формирует знание об ограниченности онтологии, используемой им для прогноза развития ситуации. Иными словами, в ситуации радикальной неопределенности агент не может определить каких именно знаний (знаний о каком именно предмете) ему не хватает для принятия обоснованного решения.

Неопределенность перевода и неуспех ко-референции

Проблема неопределенности перевода, на первый взгляд, не выглядит прямым продолжением представляемой нами типологии. Предложивший этот термин У.В.О. Куайн называл то, что переведено на русский как «неопределенность», словом «indeterminacy (of translation)», а не «uncertainty», которое употребляется в англоязычной философской литературе для обозначения трех упомянутых выше видов неопределенности. Однако именно это измерение проблемы видится особенно важным в мире, где человек сталкивается со все большими объемами экспертного знания [Lumsden and Ulatowski, 2019]. Дело не столько в том, что пациент как неспециалист не способен легко ориентироваться в биологической и медицинской терминологии, сколько в том, что от него ускользает возможность понять, о чем, или о ком идет речь. Дескриптивная неопределенность предполагает введение вероятностной градации истинности пропозиций. Неопределенность перевода размывает не истинность, но предмет пропозиции – то, о чем идет речь. Воспользуемся примером Куайна: мы научились четко устанавливать условия, в которых уместно употреблять восклицание «Гавагай», но до сих пор не знаем, о чем оно – о шуршании в траве, о кролике или о необходимости собираться на охоту. Подчас проблемы с пониманием могут касаться не описания диагноза в строго научном дискурсе, а именно нарративного,

метафорического объяснения того, что этот диагноз значит для пациента. Так, утверждения вроде «Лена пришла в 9 часов, но она не пришла точно в 9» и «Лена не пришла точно в 9, но она пришла в 9 часов», могут быть истолкованы по-разному, даже будучи высказаны в одном и том же контексте. При этом и условия их истинности также идентичны [Carter, 2019].

В этом примере неопределенность перевода спутана с неоднозначностью нормативных оценок говорящего, в чистом же виде она может касаться неопределенности того, о ком сейчас говорится. Понимание фразы «В 5% такие мутации приводят к заболеванию сердца» зависит, среди прочего, от того, считает ли консультируемый себя удачливым человеком или нет. В первом случае, эта фраза вообще не про него, а про небольшую долю тех, кому не везет.

Но часто агент, о котором идет речь на приеме врача-генетической, еще актуально не существует. Именно из-за этой особенности сюжет с медицинской консультацией по поводу планирования беременности стал популярен в философской литературе. Наиболее подробно он рассмотрен американским философом Дэвидом Буниным, позаимствовавшим этот пример у Дерека Парфита:

Врач советует женщине, планирующей беременность, перед зачатием в течение двух месяцев принимать достаточно безопасные таблетки, чтобы на свет появился здоровый младенец. Иначе ее ребенок абсолютно точно будет страдать неизлечимой слепотой. Женщина отказывается принимать лекарства и через девять месяцев рождает Пэбблслепую девочку. Представим, что если бы она последовала совету врача, то на два месяца позже родила бы здорового мальчика. Но в таком случае девочка вообще не появилась бы на свет. Значит, выбор матери ей не вредит – наоборот, благодаря нему она появляется на свет. Раз никто не может быть признан пострадавшим, значит, выбор, сделанный женщиной морально оправдан [Boonin, 2014, p. 2–3].

В этом примере именно несуществование агента, о котором идет речь, является причиной возникновения этического парадокса. Мы можем поставить вопрос: «О чем здоровье вообще говорил врач, консультируя женщину?». Наиболее релевантный ответ: «О здоровье ее ребенка»². Будет этот ребенок мальчиком или девочкой, появится он/она на свет через девять или одиннадцать месяцев – все это не имеет значение для высказывания врача. Существенное свойство агента, о благе которого идет речь, одно – быть ребенком женщины,

² Как минимум, нельзя назвать беспроблемной предпринятую Буниным попытку присвоения имени человеку, несуществующему даже в нарративной реальности мысленного эксперимента. Поскольку употребление имени Пэбблслеп предполагает, что именуемый уже занимает определенную позицию в фундаментальной и все еще продолжающейся дискуссии о соотношении значения и референции (или дескрипции и именованя) [Куслий, 2008].

пришедшей на консультацию. Все остальное – свойства случайные, дополнительные по отношению к существенному³. Точно также мы никогда не узнаем, была ли у Раскольникова родинка на правом колене, потому что это не относится к числу характеристик, благодаря которым мы узнаем его в мире романа. Но верно ли врач выбрал существенное свойство агента, о благе которого вел речь, правильно ли он ограничился только одной его характеристикой? Вероятно, да, так как скорее всего женщина пришла консультироваться о здоровье своего будущего ребенка, а не о здоровье ребенка, который будет зачат ровно через неделю после консультации. Но сам Бунин истолковывает вопрос так, будто Вилма изначально задает вопрос о еще не зачатой дочери Пэбблс.

Самим участникам коммуникации также не всегда ясно, о ком или о чем ведет речь собеседник. Этнометодологический подход к коммуникации, ориентированный на изучение конкретных фрагментов разговора, а не мысленных экспериментов, предполагает, что собеседники в процессе общения совместно конструируют общее поле объектов. С этой точки зрения неопределенность можно истолковать не через процедуру перевода, а как незнание участников коммуникации о степени успешности такого совместного конструирования. Этноонтология, сохраняя этнометодологический интерес к конкретным, «полевым» исследованием, сконцентрирована на рассмотрении того, как могут сочетаться разные поля объектов (онтологии), в значительной степени заданные культурными традициями или практиками отдельных профессиональных групп. Успех в создании общего поля объектов рассматривается в этноонтологических исследованиях как одинаковость референции, возникающая вопреки немного различающимся смыслам слов или выражений [Ludwig, 2016, p. 37]. Но это различие в смыслах способно и полностью разрывать онтологии, с которыми имеют дело участники коммуникации. Такой разрыв может быть обусловлен различиями в целях классификации или различиями в локальной специфике, с которой сталкивается каждый участник коммуникации. Первый вид разрыва может случиться, например, из-за того, что различия в запахах определенного вида диких животных, разнообразие текстуры их шерсти, важное для охотников-аборигенов, просто не может быть отражено

³ Понятие «существенных свойств» персонажа У. Эко развивает в книге «Роль читателя» как производные от концепта «необходимых свойств» Р. Карнапа. По Эко существенные свойства позволяют нам идентифицировать определенных персонажей, при этом Эко отталкивается от позиции Р. Чизолма, согласно которому свойство «становится необходимым при определенном описании». То есть существенность (контекстуальная необходимость) свойств зависит от намерений рассказчика, от того, о чем рассказ. Число колес у экипажа, в который садятся герои обычно несущественно, но может стать таковым, если герой коллекционирует необычные модели транспортных средств [Эко, 2005, с. 390–392].

в ориентированной прежде всего на визуальность биологической таксономии. Второй вид непонимания, может быть связан, например, с тем, что в некоторой локации растения определенного вида существуют только в виде кустарников, тогда как в другой могут расти в виде деревьев. Соответственно вторые могут быть опознаны как полностью отличный класс объектов [Ibid., p. 39]. За ограниченное время медицинской консультации ее участникам не всегда удается понять, произошел ли разрыв в их понимании предмета разговора, или они удачно сформировали общее поля объектов, о которых шла речь. Эта четвертая, коммуникативная, форма неопределенности может быть характерна для любых вариантов социальной интеракции, однако она особенно актуализируется при необходимости интерпретации узкодисциплинарных знаний с точки зрения повседневных практик не-специалиста.

Этика неопределенности как продолжение эпистемологии добродетелей

Выше было обозначено понимание неопределенности как свойства субъект-субъект-объектных отношений. Характеризуя неопределенность, понятию как онто-эпистемологический феномен, необходимо принимать во внимание как свойства проблемной ситуации, так и знания действующего агента об этой ситуации. В предыдущих разделах была раскрыта связь дескриптивной неопределенности с ситуативностью знания, с тем, что свойство «быть знающим» обладает прежде всего индексикальным смыслом. Это позволяет рассматривать этику неопределенности как продолжение эпистемологии добродетелей, в рамках которой и было сформулировано такое понимание знания.

Вместе с тем проблема принятия решения в условиях неопределенности актуализирует инструменталистскую интерпретацию научного знания. Согласно ей, наука не должна стремиться нарисовать полную картину мира – предлагаемые учеными модели изучаемых объектов или процессов не обязательно должны иметь с ними структурное сходство. Например, модель атома Бора была далека от такого сходства, однако она сориентировала научный поиск в направлении продуктивных экспериментов и теорий [Rowbottom, 2019, p. 102]. То есть, согласно инструменталистской точке зрения, наука не обязана стремиться к наиболее точным репрезентациям изучаемого фрагмента мира, скорее она должна заниматься подготовкой карты, позволяющей сориентироваться в этом фрагменте мира. При этом карту, план местности, которые служат инструменталистской аналогией научной модели, невозможно понять вне обозначения типа задач, для решения которых они были созданы [Ibid., p. 120].

Такая интерпретация знания позволяет учитывать перспективы его практического использования, но не концентрирует внимание на контингентности обстоятельств его применения. Представители эпистемологии добродетелей Роберт Робертс и Джей Вуд, обращают внимание на «обманчивость среды», рассматривая проблемы, с которыми сталкивается эпистемолог, желающий дать точное определение знания [Roberts and Wood, 2007, p. 15]. По их мнению, любая критика определения знания через обоснованное истинное верование апеллирует именно к такой «обманчивости среды» (*trickiness of the environment*). Эта обманчивость приводит к тому, что мы не можем признать знающим индивида, обладающего обоснованным истинным верованием. Известный аналитический философ Элвин Плантинга пытается обойти эти трудности за счет прибавки к этому определению прилагательного ‘warranted’, которое можно перевести на русский и как «гарантированное», и как «оправданное». При этом под «гарантией» он понимает надлежащее функционирование познавательных способностей в благоприятных условиях окружающей среды [Plantinga, 1993]. Но Робертс и Вуд критикуют и этот ход, считая, что Плантинга лишь отодвигает проблему, которая вновь возникает, когда мы пытаемся обозначить границы «благоприятных условий среды» [Roberts and Wood, 2007, p. 7]. Свою конструктивную роль они видят в создании регулятивной эпистемологии – своеобразной карты полезных познавательных привычек, навыков и добродетелей.

Учитывая предложенную инструменталистами картографическую аналогию, речь идет о карте второго порядка – об ориентации деятельности людей, занятых подготовкой плана, позволяющего сориентироваться на местности. Обозначенные выше четыре формы неопределенности позволяют сформулировать предположение о навыках и привычках, которые могут пригодиться людям, ориентирующим других в условиях контингентной среды. В настоящем исследовании в качестве примера таких людей выступают врачи-генетики, поскольку одной из главных задач их консультаций служит ориентация пациентов в новой для них реальности наследственных рисков. Погружая пациента в эту реальность, врач вынуждено сталкивает его со всеми четырьмя формами неопределенности. Соответственно с ними оказываются связаны его добродетели как человека, предлагающего план грядущего развития биомедицинских событий в жизни пациента. Существование всех четырех форм неопределенности может быть учтено в этом плане. Иными словами, он должен предусматривать, что могут предвиденным или непредвиденным образом измениться сам изображаемый фрагмент реальности, могут поменяться цели и ценности его пользователя, наконец, пользователь может не до конца владеть навыком чтения этого плана.

Понимание контингентности окружающего мира вовсе не ведет к девальвации любых усилий по ориентации в изменяющейся реальности, к преуменьшению значимости такого рода планов или сведению их роли к средствам объяснения уже случившихся событий. В значительной степени, к такой точке зрения близки теории ситуативного действия или ситуативного познания. Невозможность устранить любую неопределенность еще не значит, что предварительно полученное «ориентирующее» знание не способно учитывать эти неопределенности, указывать на них и помогать с ними справиться. Одна из основоположниц теории ситуативного действия Люси Сачмен проводя различие между ситуативным и запланированным действием, проводит аналогию соответственно с микронезийским и европейским методами морской навигации [Сачмен, 2019]. Европейский мореплаватель плывет по заранее выстроенному маршруту, и если сбивается с курса, формулирует новый план действий. Его микронезийский коллега просто намечает цель и следуя ей ориентируется по изменению течений, смене фауны, форме облаков и звездам. Но перед тем, как отправляться в путь, и европейский, и микронезийский мореплаватели должны научиться приемам навигации: первый – ориентируясь по звездам и Солнцу, соотносить свое местоположение с маршрутом, второй – считывать знаки окружающей среды, определяя свое местоположение относительно намеченной цели. В конце концов сама Сачмен признается, что оба мореплавателя намечают маршрут (пусть и с разной степенью подробности), и оба перед первым самостоятельным выходом в море учатся интерпретировать фрагменты окружающего мира и возникающие проблемные ситуации, а также действовать в их рамках [Там же, с. 53–56]. И построение маршрута, и предварительное обучение не могут застраховать от неожиданностей, но помогают к ним подготовиться.

Заключение

Неопределенность невозможно охарактеризовать без учета свойств проблемной ситуации и знаний действующего агента о ней. Соответствие знаний и ситуации принятия решения – служит ключом к пониманию онто-эпистемологического характера неопределенности. Вместе с тем, такое соответствие находится в центре внимания эпистемологии добродетелей, особенно ее «неклассической» ветви – регулятивной эпистемологии. Выделенные в настоящей статье четыре формы неопределенности могут быть поставлены в соответствие четырем предлагаемым нами регулятивам, характеристикам, которые способны сделать знание более пригодным ресурсом для принятия

решений и действия в условиях неопределенности. Эти регулятивы предполагают, что, формируя или распространяя знание в условиях неопределенности, необходимо принимать во внимание неполноту представленной модели реальности, причем неполноту во всех четырех смыслах. Моделируемый фрагмент реальности может измениться предвиденным (дескриптивная неопределенность) или непредвиденным (радикальная неопределенность) образом. Цели и ценности пользователя этой модели могут не поддаваться иерархическому упорядочиванию, а также могут меняться в будущем (нормативная неопределенность). Толкования модели пользователем могут быть разнообразными, и никогда не могут быть строго определены намерениями автора модели. Если рассматривать модель мира как создаваемую совместно в процессе коммуникации, успешность ее создания может быть не очевидна для участников взаимодействий (неопределенность перевода, или неясность того, достигнут ли успех ко-референции).

К представленной картине близко и прагматистское понимание проблемной ситуации, служащей и причиной, и контекстом для исследовательской активности. При этом термин исследование (*inquiry*) используется в прагматистской традиции для обозначения широкой совокупности базовых видов человеческой деятельности – своего рода «разведки боем», получения знаний в рамках попытки изменить реальность, предпринимаемых в условиях неопределенности [Shields, 2003]. Прагматистский подход по отношению к неопределенности активно развивается в рамках исследований, посвященным общественному администрированию и проблемам кризисного менеджмента. Основные особенности этого подхода также могут быть представлены как следующие эпистемологические регулятивы: 1) Ориентация на фаллибилистское отношение к существующей картине мира; 2) Предпочтение гибких шкал оценки, а не бинарных оппозиций; 3) Отношение к собственным знаниям и плану действий как к гипотезе (при этом наиболее разумным выбором является движение мелкими шагами, если на каждом шагу можно получить быстрый ответ «внешней среды»); 4) Предпочтение бриколажа простой и претендующей на полноту картине событий (невозможность ориентироваться только на понятное и уже понятное) [Ansell and Boin, 2019, p. 1088–1089].

Несмотря на то, что эти четыре принципа сформулированы для практик публичного администрирования, а не для «атомарной ситуации» медико-генетической консультации, между ними и сформулированными в настоящей статье регулятивами есть общие черты. Более того, прагматистские принципы в порядке их перечисления могут быть поняты как ориентиры для познания и действий, позволяющих справиться с четырьмя рассмотренными выше формами неопределенности. Первый принцип принимает во внимание прежде всего

дескриптивную неопределенность, второй – нормативную, третий – радикальную, а четвертый – неопределенность перевода.

Эти параллели, возникшие несмотря на различия сфер применения представленных принципов, могут быть объяснены прежде всего общими чертами в понимании индексикального характера знания, важности коммуникативных, делиберативных процедур для его формирования и применения. В этой связи уместно ожидать что этика неопределенности может получить и дальнейшее развитие в контексте новых дискуссий в эпистемологии добродетелей.

Список литературы

Брызгалина, 2020 – *Брызгалина Е.В.* Медицина в оптике искусственного интеллекта: философский контекст будущего // *Человек*. 2019. Т. 30. № 6. С. 54–71.

Герасимова, 2020 – *Герасимова И.А.* Неопределенность в познании и в социальных практиках // *Эпистемология и философия науки*. 2020. Т. 56. № 4. С. 8–20.

Касавин, 2012 – *Касавин И.Т.* Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // *Вопросы философии*. 2013. № 6. С. 46–57.

Куслий, 2008 – *Куслий П.С.* Имена, дескрипции и проблема жесткой десигнации // *Эпистемология и философия науки*. 2008. № 2. С. 103–118.

Сачмен, 2019 – *Сачмен Л.* Реконфигурация отношений человек-машина. Планы и ситуативные действия / Пер. с англ. А. Максимовой. М.: Элементарные формы, 2019. 488 с.

Шевченко, Шестак, 2019 – *Шевченко С.Ю., Шестак А.Г.* Нормативная и дескриптивная неопределенность в геномной медицине // *Горизонты гуманитарного знания*. 2019. № 1. С. 120–130.

References

Boonin, D. *The Non-Identity Problem and the Ethics of Future People*. Oxford: Oxford University Press, 2014, 293 pp.

Bryzgalina, E.V. “Meditsina v optike iskusstvennogo intellekta: filosofskiy kontekst budushchego” [Medicine in the Optics of Artificial Intelligence: The Philosophical Context of the Future], *Chelovek* [Human Studies], 2019, vol. 30, no. 6, pp. 54–71. (In Russian)

Carter, S. “The Dynamics of Loose Talk”, *Noûs*, 2019, pp. 1–28.

Gerasimova, I.A. “Neopredelennost’ v poznanii i v sotsial’noy praktike” [Uncertainty in Cognition and Social Practices], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2019, vol. 56, no. 4, pp. 8–20. (In Russian)

Greco, J. “What’s Wrong with Contextualism?”, *The Philosophical Quarterly*, 2008, no. 58, pp. 416–436.

Herlitz, A. “Nondeterminacy, Cycles and Rational Choice”, *Analysis*, 2020. [<https://doi-org.eres.qnl.qa/10.1093/analys/anz091>, accessed on 30.03. 2020].

Hollin, G. "Autistic Heterogeneity: Linking Uncertainties and Indeterminacies", *Science as Culture*, 2017, vol. 26, no. 2, pp. 209–231.

Kasavin, I.T. "Znaniye i kommunikatsiya: k sovremennym diskussiyam v analiticheskoy filosofii" [Knowledge and Communication: Contemporary Discussions in Analytical Philosophy], *Voprosy Filosofii*, 2013, no. 6, pp. 46–57. (In Russian)

Kusliy, P.S. "Imena, deskripcii i problema zhestkoj designacii" [Names, Descriptions and the Problem of Hard Designation], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2008, no. 2, pp. 103–118. (In Russian)

Ludwig, D. "Overlapping Ontologies and Indigenous Knowledge. From Integration to Ontological Self-Determination", *Studies in History and Philosophy of Science*, 2016, no. 59, pp. 36–45.

Lumsden, D., Ulatowski, J. "Casting Light Upon The Great Endarkenment", *Metaphilosophy*, 2019, no. 50, pp. 729–742.

Pfaffenberger, B. "The Rhetoric of Dread: Fear, Uncertainty, and Doubt (FUD) in Information Technology Marketing", *Knowledge, Technology & Policy*, 2000, no. 13, pp. 78–92.

Pittard, J., Worsnip, A. "Metanormative Contextualism and Normative Uncertainty", *Mind*, 2017, vol. 126, no. 501, pp. 155–193.

Plantinga, A. *Warrant and Proper Function*. New York: Oxford University Press, 1993, 256 pp.

Roberts, R., Wood, W.J. *Intellectual Virtues: An Essay in Regulative Epistemology*. Oxford: Clarendon Press, 2007, 339 pp.

Romeijn, J.-W., Roy, O. "Radical Uncertainty: Beyond Probabilistic Models of Belief", *Erkenntnis*, 2014, no. 79, pp. 1221–1223.

Rowbottom, D. *The Instrument of Science. Scientific Anti-Realism Revitalised*. New York; London: Routledge, 2019, 216 pp.

Shevchenko, S.Y., Shestak, A.G. "Normativnaya i deskriptivnaya neopredelenost' v genomnoy meditsine" [Normative and Descriptive Uncertainty in Genomic Medicine], *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* [Horizons of the Humanities Knowledge], 2019, no. 1, pp. 120–130.

Shields, P. M. "The Community of Inquiry: Classical Pragmatism and Public Administration", *Administration & Society*, 2003, no. 35, pp. 510–538.

Suchman, L. *Rekonfiguratsiya otnosheniy chelovek-mashina. Plany i situativnyye deystviya* [Human-Machine Reconfigurations Plans and Situated Actions], transl. by A. Maximova, Moscow: Elementarnyye formy, 2019, 488 pp. (In Russian)

van Zuuren, F.J., van Schie, E.C., van Baaren, N.K. "Uncertainty in the Information Provided During Genetic Counseling", *Patient Education and Counseling*, 1997, no. 32 (1–2), pp. 129–139.